

женнаго въ обшгую краснымъ и золотомъ лирею, и только спрашиваютъ, кого и когда имъ велеть убивать. А они готовы.

Вѣдь—у каждаго дикаго есть что либо святое, за что онъ готовъ пострадать, но не уступить. Но гдѣ же это святое у человѣка нашего времени? Ему говорятъ: иди ко мнѣ въ рабство, въ такое рабство, при которомъ придется убивать даже отца родного, и онъ, очень часто ученый, прошедшій всё науки въ университетѣ, покорно подставляетъ шею подъ хомутъ. Его наряжаютъ въ шутовской нарядъ, велѣтъ прыгать, кривляться, кланяться, убивать, — онъ все покорно дѣлаетъ. И когда его выпускаютъ, онъ какъ встрепанный возвращается въ прежнюю жизнь и продолжаетъ толковать о достоинствѣ человѣка, свободѣ, равенствѣ и братствѣ.

«Да, но что-же дѣлать», часто съ искреннимъ недоумѣніемъ спрашиваютъ люди. «Если бы всё отказались, тогда бы такъ. А то, что-жъ, я одинъ пострадаю и никому и ничему не сдѣлаю пользы».

И правда, человѣку общественнаго жизненпониманія нельзя отказаться. Смыслъ его жизни — благо его личности. Для его личности ему лучше покориться и онъ покоряется.

Что бы съ нимъ ни дѣлали, какъ бы ни мучали, какъ бы ни унижали его, онъ будетъ покоряться, потому что одинъ онъ ничего не можетъ сдѣлать, у него нѣтъ той основы, во имя которой онъ могъ бы противустоять насилію одинъ. А соединиться имъ никогда не дадутъ тѣ, которые управляютъ ими. Говорятъ часто, что изобрѣтеніе страшныхъ военныхъ орудій убійства уничтожить войну; война уничтожитъ сама себя. Это неправда. Какъ можно увеличивать средства избіенія людей, такъ можно увеличивать средства приведенія къ покорности людей общественнаго жизненпониманія. Пускай ихъ бьютъ тысячами, миллионами, разрываютъ на части,—они все таки одни, какъ бессмысленная скотина, будутъ идти на бойню, потому что ихъ подгоняютъ хлыстомъ; другіе будутъ идти потому, что имъ за это позволять надѣть ленточки и галунчики, и будутъ даже гордиться этимъ.

И тутъ-то съ составомъ людей, одуренныхъ до того, что они обѣщаются убивать своихъ родителей, общественные дѣятели—консерваторы, либералы, социалисты, анархисты — толкуютъ о томъ, какъ устроить разумное и нравственное общество. Да какое же разумное и нравственное общество можно устроить изъ такихъ людей? Какъ изъ гнилыхъ и кривыхъ бревенъ, какъ ни перекладывай ихъ, нельзя построить дома, такъ изъ такихъ людей нельзя устроить разумное и нравственное общество. Изъ такихъ людей можетъ образоваться только стадо животныхъ, управляемое кри-

ками и кнутами пастуховъ. Такъ оно и есть.

И вотъ съ одной стороны люди, христіане по имени, исповѣдующіе свободу, равенство, братство, рядомъ съ этимъ готовы во имя свободы къ самой рабской униженной покорности, во имя равенства къ самымъ рѣзкимъ и бессмысленнымъ, только по внѣшнимъ признакамъ, раздѣленіямъ людей на вышнихъ, низшихъ, своихъ союзниковъ и враговъ, и во имя братства—готовы убивать этихъ братьевъ. *)

Противорѣчія сознанія и вълѣдствіе этого бѣдственность жизни дошли до послѣдней степени, дальше которой идти некуда. Жизнь, построенная на началахъ насилія, дошла до отрицанія тѣхъ самыхъ основъ, во имя которыхъ она была учреждена. Устройство общества на началахъ насилія, имѣвшее цѣлью обезпеченіе блага личнаго, семейнаго и общественнаго, пришло людей къ полному отрицанію и уничтоженію этихъ благъ.

Первая часть пророчества совершилась надъ людьми и поколѣніями ихъ, не принявшими ученія, и потомки ихъ приведены теперь къ необходимости испытать справедливость второй части его.

IX.

Положеніе народовъ христіанскихъ въ наше время осалосе столь же жестокимъ, какимъ оно было во времена язычества. Во многихъ отношеніяхъ, въ особенности въ порабощеніи людей, оно стало даже болѣе жестокимъ, чѣмъ было во времена язычества.

Но между положеніемъ людей въ то время и въ наше время та же разница, какая бываетъ для растений между послѣдними днями осени и первыми днями весны. Тамъ, въ осенней природѣ, внѣшняя безжизненность соотвѣтствуетъ внутреннему состоянію замиранія; здѣсь же, весною, внѣшняя безжизненность находится въ самомъ рѣзкомъ противорѣчій съ состояніемъ внутренняго оживленія и перехода къ новой формѣ жизни.

То же и въ томъ внѣшнемъ сходствѣ прежней языческой жизни съ теперешней. Сходство это только внѣшнее: внутреннее состояніе людей во времена язычества и въ наше время совершенно различно.

*) То, что у нѣкоторыхъ народовъ, у англичанъ и американцевъ, нѣтъ еще общій воинской повинности (хотя у нихъ уже раздаются голоса въ пользу ея), а вербовка и наемъ солдатъ, то это нисколько не измѣняетъ положенія рабства гражданъ по отношенію правительствъ. Тамъ каждый самъ долженъ идти и убивать и быть убитымъ, здѣсь каждый долженъ отдавать свои труды на наемъ и приготовленіе убійцъ.